

обучения, могут пойти в учебные заведения профессионального образования для того, чтобы научить будущих профессионалов квалифицированно, а не примитивно выполнять в будущем роль наставников! Предприятиям Урала это несомненно пойдет на пользу.

А. Г. Кислов, О. В. Шмурыгина

О КОНЦЕПТЕ ПОТЕСТАРНОСТИ

Феномен власти традиционно изучается со стороны ее субъектов. Но не меньшее значение имеет и объектная ее сторона, причем подвластные – не только объекты властных воздействий, они субъекты взаимодействий с субъектами власти. Потому нередко более корректным будет использование иного понятия, усложняющего, но и уточняющего традиционную дихотомию «властных – подвластных», в связи с чем и предлагается обратить внимание на содержательный потенциал концепта *potestas*.

В латинском языке *potestas* означает «способность, возможность, обладание достаточной силой для осуществления какой-либо деятельности». Акцент в латинском термине ставится не столько на источнике, начале действия, сколько на его субстанциональной основе – силе. В этом значении термин вошел в романо-германские языки («power») и на русский язык очень часто переводится как «власть», приобретая иной смысловой оттенок, так как «власть» является однокоренным с «владеть, владычествовать», основание которого имеет значение «собственник», «хозяин».

В научной литературе потестарность обычно рассматривается как форма организации власти в доклассовых и раннеклассовых обществах, не имевших развитых политических институтов и атрибутов (например, военная демократия, тайный союз «больших людей» и т. п.). Некоторыми авторами даже отмечается социальная опасность потестарности в современном обществе, которая заключается в отрицании и небрежении не только государственными институциями, но и общечеловеческими ценностями, правами и свободами, а также в свойственном архаике делении общества на «своих» и репрессируемых «чужих». Власть принято раскрывать через субъект-объектные

отношения¹, основным моментом которых является субъект – источник, носитель (человек, группа людей или институт), обладающий превосходством над другими, становящимися объектами властного воздействия. Но феномен власти не исчерпывается субъектом, объектом и воздействием/системой взаимодействий субъекта и объектов. М. Фуко, например, убедительно показывает пронизанность отношениями власти всего общества и вводит термин «поле власти», который означает, что все в обществе находится в контексте различных властных отношений, образующих своеобразную паутину.

А. И. Сосланд, опираясь на идеи М. Фуко, представляет власть как нечто тотальное, встроенное во все мыслимые не только социальные, но и экзистенциальные локусы. Властными отношениями, по его мнению, «нашпигованы» любой знак, жест, любая интеракция. Власть – феномен многомерный, разномасштабный, неоднородный, состоящий из множества звеньев. Власть может быть рассмотрена и как некая инстанция, и как некое влечение². На каждое из ее звеньев, в свою очередь, может быть оказано то или иное воздействие извне. Потестарность представлена им как сумма возможностей влияния (прежде всего, обратного) на субъект власти в рамках определенной практики, парадигмы, науки и т. д. Потестарность самым непосредственным образом присуща всем явлениям и измерениям общественной жизни. Любая подвластная составляющая общества обязательно в той или иной степени влияет на властные отношения, меняет их и меняется сама в контексте динамики этих взаимоотношений.

Прообраз концепта потестарности дан еще в диалектике раба и господина, изложенной Г. Гегелем в «Феноменологии духа»: господство, основанное на рабстве (иными словами, на подчинении), несамостоятельно и несамодостаточно. Более того, находящийся в подчиненном состоянии индивид оказывает обратное влияние на действия господина, определяя, например, форму тех вещей, которые потребляются властителем, тем самым вынуждая его принимать вещь именно в том виде, в котором ее увидел раб. Потестарность подвластных вторична по отношению к властным воздействиям и потому отлича-

¹ См.: Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко; коммент. А. Ф. Филиппова. М. : Прогресс, 1990; Кожев А. Власть: Метафизический анализ. М. : Праксис, 2007.

² Сосланд А. О психологократии // Московский психотерапевтический журнал. 2007. № 1 (49). С. 182.

ется от них, состоит из элементов, непосредственно связанных с формами проявления власти (господством, обладанием ресурсами, более высокой организацией общественного порядка). Эти отдельные элементы, в свою очередь, проявляются некоторыми ответными реакциями на различные способы осуществления власти.

Господство как первая форма проявления власти характеризуется использованием принуждения, силовым преодолением сопротивления подвластных. Принято полагать, что господство реализуется главным образом через санкции. Одни исследователи (например, П. Блау) считают, что санкции могут быть только негативного характера, это позволяет определять власть как «способность индивидов или групп навязывать свою волю другим вопреки их сопротивлению через угрозу наказания или отказа в регулярных вознаграждениях, так как и первое, и второе обладают эффектом негативной санкции»¹.

Принуждение как основная составляющая господства видоизменяется с течением времени. Общество развивается, и подвластные адаптируются к определенным способам и методам принуждения, поэтому власть вынуждена их заменять другими, порождая ответную динамику со стороны подвластных. Так, простое проявление силы, которое использовалось в средневековье, уже не может служить формой проявления принуждения в информационном обществе. Поэтому здесь на первый план выходит манипулирование информацией и осуществление влияния с ее помощью, а не благодаря давлению, оказываемому на тело. Отпадает необходимость и в том, чтобы бороться с физическим сопротивлением подвластного, если его можно избежать, предотвратить. В современных условиях властное воздействие нередко осуществляется без (или почти без) прямого принуждения и соответственно без порождения и преодоления сопротивления, которое в промежуточных вариантах переходит в скрытую форму.

В связи с этим значение сопротивления, которое всегда сопутствует принуждению и выступает проявлением потестарности, теряется. Сопротивление власти все больше преобразуется в форму добровольного согласия с ее требованиями. Это оказалось возможным благодаря изменению методов принуждения. Сопротивление происходит из желаний человека, поэтому ранее власть при помощи принуж-

¹ Blaw P. Differentiation of power // Political power: A reader in theory and research / Ed. by R. Bell, D. V. Edwards, R. Harrison. New York : Free Press, 1969. P. 294.

дения заставляла человека действовать против своих желаний. Современные же властные структуры научились не только и даже не столько удовлетворять многие имеющиеся желания, а еще и формировать у (in-form, встраивать в) подвластных необходимые властям желания. Подвластные часто даже не осознают, что являются объектами воздействия. И потому здесь уже нет сопротивления принуждению.

Все идет к тому, чтобы сформировать у людей ощущение, что они осуществляют свои действия не только не в противовес своей воле, а согласно своим внутренним потребностям, и что поэтому иного лучшего порядка быть не может («общество благоденствия»). С. Льюкс говорил: «Высшая и наиболее коварная форма осуществления власти – это предотвращение, в той или иной степени, возможного недовольства людей путем формирования у них таких восприятий, знаний и предпочтений, которые обеспечили бы принятие людьми своих ролей в существующем порядке вещей – или в силу того, что они не видят альтернативы этому порядку, или потому что считают его божественно предопределенным или выгодным»¹.

Управление желаниями предоставляет властвующему возможность соприкоснуться со сферой, которая ранее представлялась областью индивидуальной автономии. Сформированное желание становится сильнее идущих от индивида желаний, хотя является не столько желанием, сколько его знаком, симулякром, в первую очередь для самого потребителя: знак зовет без нужды в нем. Но и удовлетворение его тоже приобретает симулятивный характер: у потребителя нет необходимости потреблять непременно сами продукты и услуги, теперь можно потреблять, а значит, как следствие, и производить лишь их знаки.

Но потребляя знаки, а не сами продукты и услуги, объекты власти так проявляют свою потестарность, оказывая обратное воздействие на власть, потому что знаковым, симуляцией становится само подчинение. Желание к человеку теперь приходит извне, словно вещь, занимающая пустовавшее до нее место. Усвоение вовне произведенного желания возможно при изначальной опустошенности человека. Иными словами, производство нового желания одновременно предполагает производство пустоты там, где прежде сменяли друг друга страсти². Власть провоцирует опустошение подвластного, ко-

¹ Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд. М. : Изд-во ГУ ВШЭ, 2010. С. 24.

² Скоробогачкий В. В. Знание и власть на закате индустриальной эпохи // Общественные науки и власть: интеллектуальные трансформации. Екатеринбург : УрО РАН, 2008. С. 17.

торый либо опустошается в ответ, принимая желания извне, либо симулирует и опустошенность, и желания, и их потребление, ограничивая последнее лишь знаками. И чем больше знаков вместо реальных вещей и услуг производится обладающими властью, тем больше потребитель своей имитацией потребления вещей и услуг стимулирует имитационное производство знаков властями (экономическими, политическими, культурными и др.).

В вышеприведенной цитате С. Льюкс отмечает два варианта положительного принуждения, т. е. осуществления власти без оказания явного воздействия: опора на авторитет и обладание ресурсами. Обладание и манипулирование какими-либо ресурсами относится им ко второй форме проявления власти. Неравное распределение материальных, социальных, духовных и политических ресурсов впоследствии ведет к неравным результатам (выгодам и издержкам) в отношениях обмена, возникающих между субъектом и объектом. У объекта власти либо совсем нет ресурсов, которые требуются для достижения целей, либо их недостаточно. В связи с отсутствием других источников для получения ресурсов ему приходится подчиняться воле субъекта, так как именно у него есть необходимые ресурсы. Возникает зависимость результатов деятельности одного человека от результатов деятельности других людей. Но возникает не просто зависимость, а взаимозависимость. Обладатель ресурсов должен поддерживать потребность именно в его ресурсах, а не в альтернативных источниках, которые могут возникнуть.

Поддерживать потребности в ресурсах субъектам власти помогает опора на здравый смысл подвластных. Например, сегодня здравый смысл заключается в том, что не нужно изобретать что-то новое. Ресурсы можно и нужно брать там, где они есть, у того, кто ими обладает. Нет необходимости в поиске или создании новых источников силы и влияния, проще обратиться к уже известным и существующим.

Здравый смысл в итоге ограничивается тем, чтобы не мыслить самому, потому что уже есть те, кто обладает всем необходимым в полном объеме. Они (те, кто обладает) в случае надобности сами оформят консенсус, основанный на здравом смысле, идеологически. Но тогда смысловая расслабленность (всеядность) подвластных освобождает власть от поиска какого-то убедительного смысла, поскольку «все сгодится!» И здесь мы тоже наблюдаем современное проявление потестарности: происходит идеологическая демобилизация власти

как результат согласия подвластных с любой идеологией, с идеологией, ставшей всего лишь знаком самой себя, не более, т. е. с симулякром идеологии.

Использование уже имеющихся доступных ресурсов и отказ от поиска новых со стороны объектов власти также является проявлением современной потестарности, которая соотносится с такой формой проявления власти как обладание ресурсами. Несмотря на то, что на первый взгляд в этом можно увидеть только защиту интересов властителей, все оборачивается иначе. Потребляя все большее количество одинаковых ресурсов, подвластные с большим трудом подвергаются переменам, которые порой весьма необходимы субъектам власти. Пассивность в данном случае является ответом на воздействия, т. е. опять выражением потестарности.

Господство и обладание ресурсами как формы осуществления властных отношений обязательно должны дополняться такой формой проявления власти как создание порядка. Сегодня на смену власти, демонстрирующей силу, дисциплинарной власти и власти-контролю приходит власть, основанная на ориентации граждан относительно предпочтений в сфере производства, потребления, политических пристрастий и досуга. Это – наиболее эффективный на сегодняшний день принцип реализации власти. Власть, ориентирующая граждан и добивающаяся тем самым своих целей, является с привычной точки зрения незаметной; это власть-порядок (или даже поле порядков), а не некое насилие. Но условием осуществления этого типа власти является одинаковость (реакций) человеческих индивидов.

Порядок, устанавливаемый властью, – это совокупность таких правил, которые регулируют человеческое поведение, создавая из индивидов массу, но массу не однородную, не общность, а, напротив, атомизированную массу отдельных разобщенных индивидов, каждый из которых подлежит отдельному тотальному контролю. Контроль максимально индивидуализируется, осуществляется не над массой, внутри которой у индивида еще есть шанс «спрятаться» и оставаться субъектом («внутренняя эмиграция» и т. п.). Современные же подвластные индивиды подвергаются десубъективации, объективируются, превращаются только и только в объекты. Потому просвещенческий дискурс убеждения (доказательства), основанный на модели человека-субъекта, сменяется постмодернистским риторическим дискурсом повторения (умножения) и внушения, направленного на ра-

зобщенных индивидов-объектов. Власть вновь приобретает религиозные функции, так как ее легитимация производится не убеждением, предполагающим сомнение, но оформлением самого здравого смысла, самоочевидного «естественного» порядка вещей, которое снимает сам рациональный дискурс сомнения в пользу манипулятивного дискурса «доверия» и «предрассудка»¹.

Проявлением современной потестарности, которое вытекает из данной формы проявления власти (создание порядка), является размытый характер субъекта власти, его деперсонафикация. Когда блокируется сопротивление, вытесняемое и замещаемое контролируемым властью желанием-соблазном, человеку отводится роль квазицентра, вокруг которого прежний мир встает с ног на голову. Массовая культура занимает место экономики, коллективная психология – место онтологии. Новый мир антропоцентричен, и это перемещение человека в центр желания выглядит как реализация гуманистического проекта: человек становится центром мира модных вещей, но центром неподвижным и пассивным, ничего не определяющим. Аналогично этому на другом полюсе отношения власти появляется квазисубъект, своего рода аппарат власти, представляющий собой иерархизированную совокупность социальных ролей и образцов поведения, сведенных в политическую программу или должностную инструкцию².

Согласно этому человек и все, что с ним связано (социальные отношения, процессы, институты и т. д.), превращаются в объект властных воздействий, а роль властвующего начала никак нельзя привязать к конкретному индивиду. Властные воздействия исходят не от какого-то конкретного человека или государственной структуры, а от самой эпохи. В аграрном и индустриальном обществе монарх обладал властью, он принимал решения, опираясь на свои собственные убеждения. Сегодня власть как бы в руках какого-то механизма и ни у кого в частности. Остаются отдельные управленческие функции, но нет всей мощи власти, всего того потенциала, которым пользовались средневековые короли, власть рассредоточивается по различным социальным отношениям. Есть определенные правила поведения, кото-

¹ Мартыянов В. С. Восстание обреченных: заметки о политической логике постмодерна // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Вып. 5. Екатеринбург : УрО РАН, 2005. С. 393.

² Скоробогатский В. В. Знание и власть на закате индустриальной эпохи // Общественные науки и власть: интеллектуальные трансформации. Екатеринбург : УрО РАН, 2008. С. 22.

рым подчиняется и отдельный человек, и различные социальные группы (некоторые называют это явление кодом Системы)¹. Получается, что из-за размытости субъекта власти размывается и принуждение, а также обратное воздействие, оказываемое объектами власти. Это обратное влияние оказывается не на субъект власти, потому что его сложно уловить, а на систему властных отношений.

Господство, обладание ресурсами, регулирование отношений – все это только формы осуществления власти, функции некоей Системы. Но даже системное представление власти не ухватывает ее сущности, а только показывает характерный для данного общества способ ее устройства и действия. В кадре нам дано «Как?» власти, за кадром же остается субъект, скрывающийся за ее действием, «Кто?» власти. Невозможность увидеть или хотя бы «на кончике пера» уловить это «Кто?» воспринимается либо как недостаток избранного угла зрения, который можно исправить с течением времени, либо как эффект «обратной стороны Луны», которая в принципе недоступна земному наблюдателю.

Поэтому другим элементом потестарности можно считать наличие некоей «ответной» пустоты. Потестарность (как пустота, «вместимость») характерна, например, индивиду, на которого оказывает воздействие окружающая его обстановка (общество, отдельные социальные группы, социальные нормы, социальные институты и т. д.). Она может быть также у какой-то группы людей, находящейся под влиянием других групп, различных общностей. Вместимость у каждого социального объекта разная. Властные отношения, в которых они существуют, заполняют их, как емкости, волевыми воздействиями. Но воздействия эти как электрический заряд накапливаются, набирают свою силу, а потом выходят за их пределы уже как ответ объекта власти на ее воздействие.

Так возникает вопрос об измерении потестарной емкости, о его процедуре и инструментарии. Ответ на него получить сложнее, нежели определиться с понятиями власти и потестарности, в том числе с их современными метаморфозами. Но эта определенность является необходимым условием ответа на многие актуальные проблемы современной общественной теории.

¹ Скоробогатский В. В. Знание и власть на закате индустриальной эпохи... С. 15.